

СЛОВЕСНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЭЗИИ И. С. НИКИТИНА

Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2024 г.

Аннотация: статья посвящена поэтическому творчеству И. С. Никитина с позиций лингвоаксиологии. В ней рассматриваются ключевые слова, обозначающие воплощение духовно-нравственных ценностей русского языкового сознания в индивидуально-авторском осмыслении.

Ключевые слова: русская поэзия, И. С. Никитин, лингвоаксиология, поэтический язык, духовно-нравственные ценности.

Abstract: The article is devoted to the poetic works of I. S. Nikitin from the standpoint of linguoaxiology. It examines the key words denoting the embodiment of the spiritual and moral values of the Russian language consciousness in an individual author's understanding.

Keywords: Russian poetry, I. S. Nikitin, linguoaxiology, poetic language, spiritual and moral values.

*Не правда ли, мгновения любви
Есть лучшие мгновенья нашей жизни!*
И. С. Никитин. «Как мне легко, как счастлив
я в тот миг...»

Двухсотлетие со дня рождения Ивана Саввича Никитина — безусловное основание и благодатная причина обратиться к творчеству поэта, занимающего достойное место в ряду русских классиков и совершенно особое в числе прославивших воронежский край деятелей искусства, науки, просвещения.

По словам И. А. Бунина, не очень щедрого на похвалу в адрес литераторов, Иван Саввич «в числе тех великих, кем создан весь своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный простой язык, ее реализм в самом лучшем смысле этого слова» [1]. Следует отметить, что творчество И. С. Никитина никогда не было обделено вниманием ученых-филологов и педагогов. Причем значительная часть работ, посвященных поэту, принадлежит воронежским ученым и преподавателям (В. М. Акаткин [2], Е. П. Андреева [3], П. А. Бороздина [4], Я. И. Гудошников [4], А. И. Кретов [4], В. М. Кузнецов [5], С. Г. Лазутин [3], О. Г. Ласунский [6], В. А. Малкин [4], А. М. Путинцев [9], В. А. Тонков [10], Б. Т. Удодов [4] и др.). Однако его поэтический язык как эстетически совершенная форма выражения индивидуального видения мира, его неповторимый образный строй, обнаруживающий неисчерпаемые возможности творческого сознания познавать глубинные смыслы Бытия, до сих пор остается малоисследованным, освещенным только

в отдельных фрагментах (см. работы А. А. Аскоченской [11], С. А. Кудряшова [12], Е. А. Кателиной [13], Е. А. Назиковой [4], В. И. Собинниковой [14], А. И. Чижик-Полейко [4], И. П. Шалиной [15]).

Новые лингвистические направления, идеи, методологические подходы позволяют более целенаправленно и целесообразно подойти к пониманию удивительного и загадочного мира слов и значений, воплощающего дух языка в его индивидуальном выражении. Особенно действенным в этом плане нам представляется **лингвоаксиологический подход** (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, А. Н. Матрусова, К. Я. Сигал, М. С. Милованова и др.), который, с одной стороны, выстраивает и уточняет систему общих ценностей, которые несет в себе творчество признанного истинно национального поэта, а с другой стороны, позволяет определить весомость и значимость слова самого И. С. Никитина в русском языковом пространстве.

Такое исследование представляется чрезвычайно актуальным именно сегодня, когда в нашу жизнь на государственном уровне возвращается понимание, что для безопасности и самого существования народа необходимо сохранять культурные традиции, сберегать духовно-нравственные ценности, и в первую очередь, его язык, вершиной которого является высокая поэзия. Для благополучия страны, государства, человека совершенно необходимо воспитание высоким словом.

В поэтическом мире И. С. Никитина эти высокие слова светятся, как звезды, и главное из них — **Небо** и сопряженные с ним понятия. Небо занимает самую сильную позицию — позицию заголовка — в стихотворении, которое могло бы занять первое место в по-

тенциальной антологии литературных произведений, где мысли, мечты, чаяния и надежды человека обращены к вечно изумляющему и непостижимому пространству.

Написанное в 1849 г. еще молодым поэтом стихотворение «Небо» [16, 81–82] содержит в себе главные вопросы, которые всегда занимали и будут занимать пытливый ум: тайна «начала творений»; система «всего мироздания», цель и смысл существования «обширной вселенной» и каждой песчинки в ней; законы «движения и жизни». Сама по себе глубокая дума о таинственной сфере, где властвует мощная, чудная движущая «мириады планет» сила, раскрывает ценностные ориентиры поэта: устремленность к пониманию мироустройства и осмысление своего мироустройства в нем. Такое ощущение бытия в индивидуальном поэтическом сознании не просто отражает сложившийся веками в русском языке сакральный смысл слова и образа **неба**, но и создает, дополняет, расширяет этот смысл. Подтверждением служит то толкование слова неба, которое представлено в «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова: «НЕБО — обозримый в высоту предел воздушного пространства, символизирующий чистоту и возвышенность вневременного духовного мира, блаженного промыслом Бога. Воспринимается как зримая граница измеримой высоты, являющей грань воздушного пространства, устремленного к недостижимой выси, величина абсолютная в противовес предельности зрительной постижимости неба. Небесный свод несет в себе идею надежного укрытия земли сверху, служащего одновременно непроницаемой преградой всему подлежащему, находя последнюю степень достижимости в поднебесье» [17, 498].

Для И. С. Никитина и сама Русь начинается с неба:
*Под большим шатром
Голубых небес* [16, 91].

Следует обратить особое внимание на эту метафору — «шатер небес». Как было известно каждому образованному человеку в XIX в., шатровый стиль в архитектуре был единственным русским национальным стилем. Шатер небес — и покров, и защита, и то устройство, которое создает образ Родины как храма, наполненного несметным природными и духовными богатствами.

Глубокая «дума» И. С. Никитина о **таком** Небе неразрывно связана с другим сакральным словом, образом, символом — **молитва**, без которой не стоит храм:

*И кажется мне, все какой-то дышит тайной,
И забываю я свой день печальный,
С оставленным трудом без жалобы мирюсь,
Гляжу на небеса и в тишине молюсь*
(Вечер, 1850) [16, 85].

Как и слово небо, слово «молитва» занимает в произведениях поэта вершину текстовой иерархии: «Молитва» (1851), «Молитва дитяти» (1853), «Сладость молитвы» (1854) и др.

Молитва у И. С. Никитина — теплая, горячая, жаркая, светлая, благодатная, но чаще всего — **святая**, т.е. возвышенная, бескорыстная, истинная, являющая собой наивысшую ценность для духовной жизни человека. Молитва дает силу, укрепляет волю, умертвляет сомнения, примиряет со злой действительностью, «с самим собой и с людьми», поднимает к небесам и дарует любовь и веру. Особенное место среди этих стихотворений принадлежит программному произведению — «Молитва дитяти», которое совершенно закономерно изначально вошло в пособия и хрестоматии по русской словесности. Так, в первом комплексе учебных пособий по русской словесности, изданном в Воронеже А. А. Хованским [18, 9] даются подробные рекомендации по анализу никитинского стихотворения: «учителем может вестись беседа о «бесчисленных мирах», зачем к каждому человеку приставлен Ангел-хранитель, почему Бог сидит на престоле, что значит «мужать» на понятных детям примерах, когда глаза «светятся». При анализе содержания целесообразно поставить вопросы «*Будет ли польза от молитвы дитяти?*», «*Как молитва доходит до Бога?*», «*О чем нужно молиться?*» то есть происходит не только обучение родному языку на конкретном, понятном и соответствующем возрастному развитию тексте, но и усвоение традиционных для общества того времени религиозных ценностей. Подобный прием, на наш взгляд, можно и нужно активно применять на практике в современном образовательном процессе, подбирая материалы, соответствующие нынешним ценностным ориентирам российского общества» [19, 189].

Святая молитва избавляет от «горечи сущности злой», дарует невозмутимый мир и любовь к жизни. Главное молитвенное прошение И. С. Никитина — святая благодать, изменяющая человеческую жизнь, наполняющая ее энергией и радостью, сближающая человека с Творцом. Счастливой порой называет поэт время

*Когда, дитя беспечное свободы,
В знакомых мне явлениях природы
Величие и мысль я находил
И жизнь мою, как дар небес, любил*
(Перемена, 1849) [16, 67].

Присутствие высших сил ощущает И. С. Никитин во всех явлениях природы, во всех событиях жизни. Но особенно остро — в минуты тоски, страдания, тяжелых раздумий:

*И мнитса мне, слышу я шепот невнятный,
И кто-то со мной в полумраке стоит;
Быть может, незримо, в тот миг благодатный
Мой ангел-хранитель молитву творит.
И в душу прольется мне светлая радость...*
(Сладость молитвы, 1853) [16, 134].

И мысли, и чувства И. С. Никитина наполнены в молитвенный час светом Неба и ощущением милосердия Всевышнего, который

*... весь любовь, и жизнь, и сила,
С Ним благо все, с Ним свет во тьме!..*
(С. В. Чистяковой, 1854) [16, 163].

Эта Божественная любовь, находящая отражение и отклик в душе человека, освящает все поэтическое творчество И. С. Никитина. Ее языковое воплощение многозначно и многообразно, причем это многообразие строго и стройно организовано и складывается в хорошо прослеживаемую иерархическую систему смыслов, обнаруживая глубочайшее понимание и переживание поэтом главных событий в духовном мире народа и индивидуальном сознании человека, стремящегося к осмыслению своей сущности и самосовершенствованию.

Прежде и выше всего в этой иерархии любовь к Родине, которой посвящены лучшие, ставшие хрестоматийными стихотворения И. С. Никитина, где мысль и чувство слиты воедино:

*И зреет мысль так вольно и широко,
И сладко песнь в честь Родины поется,
И кровь кипит, и сердце гордо бьется
И с радостью внимаешь звуку слов:
«Я Руси сын! здесь край моих отцов!»*
(Юг и север, 1851) [16, 91].

Последняя строчка широко вошла в русскую речь (см. [20]).

Непременным и непреложным условием существования для поэта, вне всякого сомнения, является не только любовь к Родине, но и **любовь к жизни**. Жизнь может измучить, ум и сердце возмутить, роптать научит, любовь и веру погасит, но от всех бед, сомнений, страданий спасает человека «горение к кресту», святая молитва, присутствие и участие высшей силы:

*Приникни с жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься с Небесами,
С самим собою и людьми.*
(Молитва дитяти, 1853) [16, 111].

Любовь к природе, дарованное человеку чувство красоты — тоже важнейшая ценность, возвышающая и приближающая творение к Творцу:

*Кротко звезд золотое сияние,
В чистом поле покой и молчанье.
Точно в храме, стою я в тиши,
И в восторге молюсь от души.*

(«В синем небе плывут над полями...», 1858) [16, 294].

Удивительное плотное и полное сопряжение смыслов, образующее цельность, гармоничность языковой картины И. С. Никитина характерно для большинства стихотворений поэта, которые литературная критика, как правило, относит к пейзажной лирике. На наш взгляд, это глубоко философская лирика, в которой представлена широкая и осмысленная мировоззренческая картина, созданная благодаря возможностям русского языка в силу его се-

мантической емкости, обильных парадигматических и синтагматических связей.

Творец всего сущего — Небо — Храм — Молитва — Русь — Вера — Любовь — Мысль — Истина — Разум — Правда — Честь, — все это теснейшим образом связанные и родственные в единстве художественного мира поэта слова — понятия — образы — символы.

Этим ценностям, этим святыням призван служить человек:

*Зная чести и истины строгой
Только крепкие в бурю несут.
Бесконечное мысли движенье,
Царство разума, правды святой —
Вот прямое твоё назначение,
Добрый подвиг на почве родной!*

(«Обличитель чужого разврата...», 1860) [16, 319].

Сам поэт убежден, что свое предназначение в постижении истины, желании и увеличении добра в своей стране и для своего народа, в понимании и создании красоты он выполняет со всем жаром чуткой радости и страданий души:

*Вижу на каждом шагу своею тайны; но сладко
мне думать:*

*В царстве природы не лишний я гость с моей душой
и песней.*

(«Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты...», 1854) [16, 189].

Воздействие поэзии И. С. Никитина, его значимость и значение в воспитании мысли и чувства при условии возвращения общества к духовно-нравственным ценностям, создаваемым лучшими отечественными мыслителями, просветителями, священнослужителями, писателями и поэтами, неизбежно должно возрастать.

Внимание к языку и стилю И. С. Никитина в отечественной лингвистике, обращение к его слову с новыми инструментами исследования, поисковыми системами, информационными технологиями дает возможность правильнее, точнее, полнее понять жизнь Языка в индивидуальном поэтическом творчестве и язык поэта в Жизни русского слова. Это важно, интересно и радостно для науки, искусства, культуры в целом, для воспитания чувства и совершенствования разума.

В большинстве работ, посвященных творчеству подлинно народного русского поэта, в материалах к школьным урокам по творчеству И. С. Никитина повторяется ставшая расхожей и укоренившаяся характеристика Ивана Саввича как певца печали и непомерных страданий, горестных раздумий и унылых песен. Лингвоаксиологический подход к языку поэта показывает совершенно иную картину: редкостное единство ценностных и стройную систему духовно-нравственных предпочтений, устремленность к прекрасному и возвышенному миру русского духа.

К Ивану Саввичу Никитину, поэту прошлого, на-

стоящего и будущего, могут быть обращены строки другого великого поэта — А. А. Блока:

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он — весь дитя добра и света,
Он весь свободы торжество [21, 57].*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Памяти сильного человека // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т.: Т. 9. — М.: Художественная литература, 1967. — С. 502–506.
2. Акаткин В. М. Поэзия прозы (о творчестве Ивана Никитина) / В. М. Акаткин // Никитин И. С. «Мой дух сроднился с духом века»: стихотворения, поэмы, проза, избранные письма / И. С. Никитин; [вступ. ст., примеч. В. М. Акаткина; сост. Р. В. Андреева, Л. Ф. Попова]. — Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозем. края, 2009. — С. 3–30.
3. И. С. Никитин: статьи и материалы о жизни и творчестве / отв. ред. В. А. Тонков. — Воронеж: Облкнигоиздат, 1952. — 247 с.
4. И. С. Никитин: статьи и материалы: К 100-летию со дня смерти. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1962. — 308 с.
5. Кузнецов В. И. Нетленные строки: этюды об Алексее Кольцове и Иване Никитине / В. И. Кузнецов. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1984. — 222 с.
6. «Я Руси сын!»: к 150-летию со дня рождения И. С. Никитина / ред.-сост. О. Г. Ласунский. — Воронеж: Центр.— Чернозем. кн. изд-во, 1974. — 226 с.
7. Плоткин Л. А. Творческий путь И. С. Никитина / Л. А. Плоткин // Никитин И. С. Сочинения. — М., 1955. — С. III–XXXVIII.
8. Прядкин С. Н. К 60-летию со дня кончины И. С. Никитина / С. Н. Прядкин // Труды Воронеж. ун-та. — 1925. — Т. 1. — С. 359–361.
9. Путинцев А. М. Иван Саввич Никитин. (Жизнь и творчество) / А. М. Путинцев // Никитин И. С. Сочинения. Вып. 1 — М., 1955. — С. 1–26.
10. Тонков В. А. Никитин: Очерк жизни и творчества / В. А. Тонков. — М.: Просвещение, 1968. — 128 с.
11. Аскоченская А. А. Синтаксические особенности поэзии И. С. Никитина // Автореферат дис. ... канд. филол. наук / А. А. Аскоченская. — Воронеж, 1998. — 30 с.
12. Кателина Л. С. Устойчивые словосочетания, включающие эпитеты, в поэмах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Никитина и Н. А. Некрасова / Л. С. Кателина // Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж, 1986. — С. 79–83.
13. Кудряшов С. А. Лексика и фразеология поэм И. С. Никитина // Автореферат дис. ... канд. филол. наук / С. А. Кудряшов. — М., 1954. — 16 с.
14. Собинникова В. И. Вопросительные предложения как средства экспрессии в поэзии И. С. Никитина / В. И. Собинникова // Язык и стиль произведений фольклора и литературы. — Воронеж, 1986. — С. 74–80
15. Шалина И. П. Имя в творчестве И. С. Никитина / И. П. Шалина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. — Воронеж, 2011. — № 1. — С. 104–106.
16. Никитин И. С. Собрание сочинений: в 2 т. — Т. 1: Стихотворения / И. С. Никитин; сост. Л. А. Плоткин. — М.: Правда, 1975. — 368 с.
17. Колесов В. В. Словарь русской ментальности. В 2 т. — Т. 1 / В. В. Колесов Т. 1. — СПб.: Златоуст. — 592 с.
18. Живое слово для изучения родного языка. Методика русского языка в рассказах и объяснениях по литературным образцам в связи с логикой, грамматикой и словесностью, для всестороннего развития и воспитания учащихся, согласно с требованиями педагогических принципов. Практический курс первого класса / Сост. А. В. Барсов, ред. А. А. Хованский. Воронеж, 1889.
19. Чигирева Е. М. Принципы филологического анализа текста в трудах А. А. Хованского и А. В. Барсова / Е. М. Чигирева, Л. М. Кольцова // Распоповские чтения 2024: сборник научных статей / Отв. ред. С. А. Чуриков. — Продолжающееся научное издание. Вып. 10. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. — С. 186–195.
20. Кольцова Л. М. Крылатое слово И. С. Никитина. Опыт словаря / Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков, М. В. Винтер. — Воронеж: ИД ВГУ, 2019. — 160 с.
21. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 3. Стихотворения. Книга третья (1907–1916) / А. А. Блок. — М.: Наука, 1997. — 989 с.

*Воронежский государственный университет
Кольцова Л. М., доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка
E-mail: kolzowa@mail.ru
Чуриков С. А., кандидат филологических наук, заведующий
кафедрой русского языка
E-mail: churikovsa@yandex.ru*

*Voronezh State University
Koltsova L. M., Doctor of philological sciences, Professor of
the chair of Russian language
E-mail: kolzowa@mail.ru
Churikov S. A., Candidate of philological sciences, Head of
the chair of Russian language
E-mail: churikovsa@yandex.ru*